

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ О ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА

Публикация В. Евгеньева-Максимова

Публикуемое письмо Я. П. Полонского, адресованное буржуазному социологу и юристу Александру Ивановичу Стронину (1827—1889), является, по существу, развернутым критическим высказыванием о Некрасове. Эстетическая позиция Полонского на разных этапах его литературной деятельности была различной. Он то шел под знаменами дворянской эстетики и романтического мировоззрения, то склонялся на сторону демократического реализма шестидесятников. Колеблющимся было и его отношение к поэзии Некрасова. Она иногда отталкивала его, а иногда, наоборот, властно притягивала. К тому же, к литературно-эстетическим взаимоотношениям Полонского и Некрасова примешивались их журнальные отношения. А это неизбежно влекло за собой ряд приводящих, подчас очень острых осложнений (см. об этом в материалах, опубликованных нами в «Голосе Минувшего», 1915, X, 70—76; ср. в сб.: «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома», II., 1922, 269—298).

Но все же если трения с о т р у д н и к а Полонского с редактором Некрасовым и имели известное влияние на отношения поэта Полонского к поэту Некрасову, то, в основном, противоречивость этих отношений определялась неустойчивостью идейно-политических позиций Полонского, колебавшегося от либерального «сочувствия» революционерам до «охранительной» вражды к ним.

В своем первом программном стихотворении «Для немногих» (1860) Полонский был еще близок к позиции «чистого искусства». Его истолкование миссии поэта противоположно некрасовскому и полемично по отношению к нему:

Мне не дал бог бича сатиры:
Моя душевная гроза
Едва слышна в аккордах лиры —
Едва видна моя слеза...
... Вещих слов
Монх не слушают народы,
В моей душе проклятий нет...

В 1864 г. в стихотворении «Поэту-гражданину», уже обращаясь непосредственно к Некрасову, хотя и не называя его по имени, — Полонский пытался убедить его в том, что избранный им путь не приведет к желанной цели, ибо «толпа» не откликнется на его «голос призывный». Она скорее «любовной песенке сердечно отзовется», чем его «музе рошущей». Полемизируя с Некрасовым, Полонский в этом же стихотворении требует от поэта:

«Л ю б о в ь ю — к правде нас веди».

Однако эпоха демократического подъема 60-х годов не могла не сказаться и на Полонском. Боевым духом этой эпохи запечатлено известное его восьмистишие «В альбом К. Ш<такенштейндера>» («Писатель — если только он волна, а океан — Россия...»). В 1871 г. появляется в печати написанное, повидимому, тремя-четырьмя годами ранее стихотворение «О Н. А. Некрасове». В нем не без основания видят отклик на те služby и сплетни о моральном облике Некрасова, которые особенно широкого распространение получили в 1866 г., после эпизода с Муравьевым-Виленским. Полонский не только дает

отпор этим попыткам моральной дискредитации поэта, но и с полным сочувствием говорит о Некрасове как учителе «гражданства», как «вещем певце страданий и труда».

Однако к 1872 г. относятся новые колебания в оценке Полонским Некрасова. Быть может, в данном случае сказалось, в известной мере, чувство обиды от столь уязвившей Полонского рецензии Салтыкова-Щедрина («О. З.», 1871, II) на тот самый сборник его, «Снопъ» (1871 г.), в котором впервые было напечатано стихотворение «О Н. А. Некрасове». Полонский реагировал на эту рецензию резко-полемической брошюрой («Рецензент Отечественных Записок и ответ ему Я. Полонского») и сатирическими «Письмами к Музе», в которых изобразил Щедрина в образе «мордастого, злого бульдога» и, не ограничиваясь этим, гордо заявлял о своей свободе

..... от всяких
Ретроградов, нигилистов,
От властей литературных
И завистливых артистов.

Вскоре после «Писем к Музе» Полонский пишет стихотворение «Блажен озлобленный поэт». Недавно разысканный и напечатанный первоначальный вариант этого стихотворения (см. Я. П. П о л о н с к и й. Стихотворения и поэмы. — «Библиотека поэта», б. с. Изд. «Советский писатель», 1935, 731, 732) свидетельствует, что оно, являясь паррафразой стихотворения Некрасова «Блажен незлобивый поэт», имело резко выраженный антинекрасовский смысл, в явно враждебном тоне говоря о миссии «озлобленного поэта» с его пренебрежением к своему «художественному труду», с его жадной погоней «за славой», с его «холодным смехом отрицания» и т. д. и т. п. Но проходит два года, и Полонский настолько перерабатывает свое стихотворение, что его печатная редакция (в сборнике 1874 г. «Складчина», одним из редакторов которого был Некрасов) воспринимается если и не как «гимн Некрасову» (цит. соч., стр. XXVIII), то, во всяком случае, как весьма сочувственная, в общем, оценка его поэтического пути.

К началу 1878 г. относится известное четверостишие Полонского, написанное в качестве непосредственного отклика на смерть Некрасова (оно было напечатано в № 2 «Пчелы» под рисунком Микешина, изображавшим Некрасова в гробу):

Поэт и гражданин, он призван был учить,
В лохмотьях нищеты живую душу видеть,
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть.

Высказывая здесь как будто полное одобрение известным «формулам» некрасовской поэзии — «поэт — гражданин» и «любовь — ненависть», Полонский, однако, по существу выхолащивает из этих «формул» их революционную энергию и страсть, их боевое значение. Что это действительно так, свидетельствует как раз публикуемое письмо к Строну, писавшееся почти одновременно с цитированным четверостишием. Всеми рассуждениями и оценками своего письма Полонский выразительно демонстрирует свою неспособность понять (и принять) подлинное идейное содержание и великую художественную ценность некрасовского поэтического творчества, которое он эстетски пренебрежительно сводит к «стихотворной публицистике», в котором он, низкопоклонствуя перед Западом, не усматривает «европейского взгляда на искусство», «ширины европейской мысли».

Письмо к Строну является в том отношении интересным документом, что оно лишний раз подтверждает, как бесконечно далеки были даже такие относительно передовые представители дворянско-буржуазного либерализма, как Полонский, от правильных исторических оценок наиболее выдающихся и прогрессивных явлений современной им русской национальной культуры.

На подлиннике, представляющем собой черновой автограф (ИЛИ АН—11770, LXVII1616), имеется полустертая и целиком не читаемая надпись самого Полонского: «Черновое письмо к автору <название сочинения нрб.> Юрискон<сульту> в Министерство Путей Сообщения Строеву». Это несомненная описка: по справке «Адрес-календаря» (1880, ч. 1, стр. 593) юрисконсультom указанного министерства

был в это время А. И. Стронин. В «Северном Вестнике» от 28 февраля/12 марта 1878 г. он напечатал статью «Некрасов и его критики», написанную, несомненно, под влиянием публикуемого нами письма к нему Я. П. Полонского.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ — А. И. СТРОНИНУ

⟨Петербург, 10 января 1878 г.⟩

Интересное письмо Ваше застало меня в часы недосуга и потому извините, если ответ мой покажется Вам в сыром виде, без всякой системы или обработки. Признаюсь Вам, что не смею судить о Некрасове по двум причинам. Во-первых, потому, что Некрасов еще в такой степени мне близок, что я не могу вполне беспристрастно судить о его заслугах и поэтической высоте и, во-вторых, потому, что я всю жизнь мою имел несчастье заниматься той же стихотворной профессией — и не смею говорить о его недостатках или о тех сторонах его поэтической деятельности, которыми я не вполне сочувствовал.

Мне остается только возразить Вам на ту точку зрения, на какую становитесь Вы, для того, чтобы разом бросить взгляд на Пушкина, Лермонтова и Некрасова.

Если Вы думаете, что поэзия не есть искусство, то Вы правы, но раз Вы допустите, что поэзия есть искусство — Вы уже не будете в состоянии видеть форму без содержания, так же как и содержание без формы. По-моему поэзия без содержания есть нелепость и ни на кого никогда не произведет ни малейшего впечатления (кроме мимолетного впечатления на ухо звоном красиво подобранных фраз и созвучий). И если Вы говорите, что содержание пушкинской поэзии есть сама поэзия, т. е. самая форма, а не содержание, т. е. изящество всякой мысли и всякого чувства, а не самая мысль или чувство, то в этих словах я нахожу множество противоречий (с моей, может быть, отсталой точки зрения). Если пушкинская поэзия — без содержания, Пушкин — не художник, и поэзия его — абсурд. Если поэзия есть не что иное, как душа жизни, воплощенная в слово, то что же как не жизнь и может стать содержанием поэзии! Если содержание есть то же, что и изящество всякой мысли и всякого чувства, то это высочайшее содержание: изящество мысли и чувства в наш век есть удел или глубоких мыслителей или существ, одаренных глубоко любящим сердцем. Когда все будет изящно, — т. е. совершенно, мыслить и чувствовать — [на земле] воплотится идеал человеческого общества. Учить изящно мыслить и чувствовать — значит провидеть этот общественный идеал, эту великую будущность человечества, когда не будет ни оскорбленных, ни приниженных.

Если Вы говорите: изящество всякой мысли и всякого чувства — не есть мысль или чувство, то Вы говорите правду. Выделанное железо не есть уже железо в руде, но только выделанное железо (от первобытного копы до усовершенствованного плуга или железного парохода), [спутник жизни] идет на потребу человека. Железо, оставаясь в руде, в каких бы массах ни поражало оно взор наш, ни на что еще пока не годится (может только раздавить вас своею массой). К этому я еще прибавлю следующее: не всякая мысль и не всякое чувство могут быть доведены до изящества или облечены в поэтическую форму — из гнилого дерева нельзя сделать статуи, из мысли о служебной карьере или о том как бы набить себе карман — сколько ни ломай головы, никакого изящества не будет.

Но это уже отступления, главная же мысль моя та, что по отношению к содержанию Пушкин несравненно богаче Некрасова. Пушкин был настолько же европеец, насколько и русский. Некрасов был только русский. В Пушкине уже заключался, как в зародыше, и Лермонтов («Д а р

напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана!») и Некрасов («Румяный критик мой, насмешник толстопузый» или «Когда за городом задумчив я брожу» и пр.).

Если бы поэзия Пушкина была бессодержательна и без него могли бы быть и Лермонтовы и Некрасовы, по крайней мере между ними, кроме стиха, ничего бы не было общего.

Вы говорите, что поэзия Некрасова специальная. Это не совсем верный эпитет: лучше сказать — наша почвенная, исключительно русская, без европейского взгляда на искусство и без ширины европейской мысли. Некрасов, кроме нас, никому не нужен — французы и англичане или не поймут его или найдут в нем своих старых поэтов Барбье, Томаса Гуда и других. Как мыслитель Некрасов ничего не сказал нового ни Европе, ни даже воистину образованному или развитому русскому человеку. Он языком, образным языком чувства только популяризировал то, о чем мечтали Станкевич, Белинский, Тургенев, Грановский и все лучшие профессора наших университетов в 40 и 50-х годах, и только там, где говорит его чувство, им самим выжитое и выстраданное, — Некрасов велик. То, что Вы называете его специальностью, т. е. его публицистическую струйку в стихах, то это будет лет через 15 или 20 настолько же интересно, насколько для нас с Вами интересны публицистические статьи или фельетоны 40-х годов — никак не более.

Вы называете Некрасова по преимуществу мыслителем — в большом уме его я не сомневаюсь, но если Вы называете его специальным, вы уже, так сказать, в очень тесные и узкие рамки суживаете ум

Я. П. ПОЛОНСКИЙ
Фотография 1860-х гг.

Театральный музей им. Бахрушина,
Москва

его. Если химик умен только как химик и механик только как механик — они очень полезные люди, но кто же назовет их мыслителями? Специалисты ли — властители наших дум?! Потом самое слово с п е ц и а л ь н ы й подсказывает, что это часть или ветвь целого, что кроме этой специальности есть еще множество других специальностей. Если так, то, кроме Некрасова, кто же еще специалисты, разрабатывающие другие отрасли поэтического искусства? И если они существуют, то кто именно?

Некрасов потому мне дорог, что он, так сказать, наш д о м а ш н и й поэт, наш п о ч в е н н и к; он потому принес нам великую пользу, что, обрабатывая нашу народную почву и р а с ч и щ а я е е, дает возможность вырастить на ней со временем не только русскую, но и о б щ е ч е л о в е ч е с к у ю п о э з и ю. Вы полагаете, что Некрасов — конец поэзии, что за ним ничего уже нет, кроме публицистики в стихах. Я этого не думаю. Если вы правы, то Россия — народ неисторический, народ созданный быть вечным учеником и никогда громко не сказать ни одной самостоятельной мысли и не создать такого самостоятельного народного всемирного искусства, чтоб стоило изучать его и нашим современникам-соседям и нашим наследникам в истории.

Вы говорите, что развитие нашей поэзии совершалось о т о б щ е г о к ч а с т н о м у, но общее не развивается в частное, а распадается на многие частности... Впрочем, я уже об этом сказал вам, говоря о специальностях. Что Некрасов современнее и популярнее в России (наших дней), с этим еще можно согласиться, но, если бы Лермонтов, с его поэтическим даром, дожил до нашего времени — Некрасов потонул бы в лучах его, как звезда в сиянии солнца — и Некрасов совершенно прав, сказав про себя, что он светит только потому, что кругом потемки. Заметьте еще следующее, — были у Пушкина подражатели, их можно читать, были подражатели у Лермонтова — и они сносны, подражатели же Некрасова до сих пор, по крайней мере, совершенно неудобочитаемы; те же, которые стали подражать его юмористическим куплетам, превзошли его, и я с удовольствием читаю их в наших сатирических современных изданиях и в Петербургском листке.

Так, если, в силу Вашего пророчества, наша поэзия станет стихотворной публицистикой — иначе сказать тотчас же завянет (как искусство) после Некрасова, то это будет значить, что от Пушкина пошла только одна ветвь или отросток и никаких других ветвей или отростков не осталось и не было. Если же и после Некрасова останутся иные пушкинские отростки и ветви, то можно положительно сказать, что не вся русская поэзия поблекнет, превратившись в стихотворный фельетон или публицистику, а только та, которая будет продолжением поэзии Некрасова.

Если в наше время даже поэзия, как Вы говорите, имеет характер политический, то даже этому первый пример подал Пушкин. Перечтите его нецензурные стихотворения и множество эпиграмм — эпиграмм уже, конечно, более смелых, чем эпиграммы Некрасова.

Извините, что пишу с плеча, неразборчиво и, может быть, не везде складно. В одном письме невозможно уяснить Вам мой взгляд на этот предмет, который всех нас занимает; по крайней мере, я убежден, что Вы догадываетесь; с какой именно точки зрения я могу смотреть на этот предмет. Может быть, я ошибаюсь, но если даже и ошибаюсь, не современная критика, а только время докажет и мне и Вам мое заблуждение. Не давайте, пожалуйста, гласности моему письму. Возражения же Ваши прочту с удовольствием и с благодарностью. Давно мы не видались. До свиданья.

Остаюсь Ваш Полонский

1878 г. 10 янв<аря> СПб.

По пятницам вечером я всегда дома.